

«В шпaгe у мeня мурашки...»

НАКАНУНЕ ПРЕМЬЕРЫ

10 июля премьерой спектакля по пьесе Ростана «Сирано де Бержерак» академический театр имени Волкова завершает театральный сезон. Как обычно перед премьерой, за кулисами театра царит нешуточная паника: кажется, что ничего не готово, никто ничего не успевает к назначенному сроку... В этой связи, ясное дело, не до обстоятельных бесед об искусстве. Тем более – исполнителю главной роли заслуженному артисту России Валерию Кириллову. Но поговорить очень хотелось. Особенно в свете того, что в последнее время любая постановка пьесы «Сирано де Бержерак» сопровождается достаточно шумным театроведческим и зрительским резонансом. К счастью, в цейтнотном предпремьерном графике артиста Валерия Кириллова неожиданно выпала пауза между репетицией танцев и примеркой бутафорского носа. Этой паузой мы и не преминули воспользоваться.

– Несмотря на то, что афиша извещает нас о премьерe спектакля по пьесе Ростана, готовящаяся постановка, как нам известно, далеко не так однозначна.

– Режиссерская версия собрана по частям из нескольких имеющихся в наличии переводов пьесы Ростана. Неудивительно, что в этой версии несколько смещены акценты. Достаточно сказать, что Сирано грезит луной, и не просто грезит, а натурально, как враль барон Мюнхгаузен, намеревается на нее лететь. И вот весь город собирается посмотреть, как романтик Сирано будет штурмовать космическое пространство. Конечно, у Ростана этого нет.

– Интерес к «Сирано» за 100 лет с момента создания пьесы не спадает. На чем он зиждется, как вы считаете?

– Мне кажется, основная притягательность пьесы, не тускнеющая от многократности постановок, заключается в главном герое – абсолютно свободной личности. У Сирано есть замечательные слова: «Хочу я говорить и жить как мне угодно». И он именно так говорит и так живет, несмотря на то, что его свободолюбивая душа закована в уродливые внешние формы. Образ Сирано – это, на мой взгляд, гимн абсолютной свободе, стремление к освобождению человека от власти не только внешних обстоятельств, но и внутренних грехов – зависти, корысти, гордыни.

– Вы мечтали об этой роли?

– О, да! Трудно сказать, кто из студентов, впервые прочитав пьесу Ростана, не мечтает о роли Сирано. Что касается меня, то в студенческие годы я даже репетировал отрывок из этой пьесы. Моя одноклассница, ныне известная московская актриса Ирина Гринева играла Роксану, я, естественно, Сирано, и мы каждую репетицию буквально заливались с ней слезами, перевоплощаясь в героев Ростана.

– Роль Сирано, безусловно, занимает одну из высших ступеней в мировом театральном рейтинге. Какие образы вы могли бы поставить в один ряд с ним?

– ...М-м-м...

– Гамлет?

– А вот и нет. Впрочем, если в данный момент мы говорим о моем восприятии... Наверное, я – очень мелкая личность, но, вы не поверите, я никогда не мечтал о роли Гамлета. Ни-ког-да! И не потому, что мне непонятны проблемы, ко-

мы сами, а не какие-то злые дяди-тети-политики, являемся своими злейшими врагами... Впрочем, о Сирано я могу говорить часами. А вот какую бы роль я поставил в один ряд с ним... Очевидно, еще в студенчестве, я полюбил роль Калигулы в пьесе Камю, очень внимательно следил за теми, кто ее играл. Из недавних исполнителей могу отметить Олега Меньшикова в спектакле Петра Фоменко, Костя Хабенский замечательно сыграл Калигулу в Питере. В этом же ряду гениальных ролей – Ричард Третий, несчастный, убогий, с отвратительной внешностью человек, отчаянно рвущийся к власти...

– А за постановками пьес

но. Сам спектакль, если говорить современным языком, очень прикольный. А для меня как артиста мерилем качества спектакля является вот еще какой момент. Если мне через пятнадцать минут после начала действия становится ясно, что ничего нового, кроме смежных костюмов, больше не произойдет, то, увы... В таком ключе, как Макс Суханов, можно играть километрами. После завершения одного спектакля без антракта можно смело начинать все сначала. Потому что внутренней, душевной трагедии там просто нет. Это обман.

– То есть смотреть мирзовскую версию «Сирано де Бержерака» вам было скучно?

– И не только мне. Многие

взгляды! Мы должны, наступив на горло собственной песне, подчиниться замыслу и воле режиссера. В конце концов, только ему подвластно знание о макрокосмосе спектакля.

– Кстати, почему это вы, будучи сами режиссером, за столько лет не взялись за самостоятельную постановку этой пьесы, раз уж вы ее грезите со студенчества?

– А возможность самому сыграть Сирано как же?!

– Но ведь можно ставить пьесу и играть в ней главную роль одновременно. Для вас, по крайней мере, это не ноу-хау.

– Это невозможно. Ни при каких обстоятельствах. Роль и пьеса не того масштаба, когда подобное совмещение оправдано. Может быть, через много-много лет я смогу вернуться к этой пьесе в качестве постановщика, но пока есть шанс играть – надо играть.

– Во время репетиции я обратила внимание, что в спектакле занято много новых лиц...

– Да, это мои студенты, пардон – бывшие студенты, а ныне – коллеги, влившиеся в труппу театра. И то, что в нашем прочтении история приобретает молодежный характер, – это тоже интересно. Сирано выступает в качестве учителя и старшего друга для Кристиана, и эти отношения органично ложатся на мои личные отношения, которые складываются у меня с моим бывшим учеником Николаем Шрайбером. Роксана – эту роль исполняет тоже моя бывшая студентка Ирина Веселова – относится к Сирано как к милому старшему брату...

– Как вам работается на одной сцене со своими студентами?

– Интересно. Они – молодые, амбициозные, сил много, а опыт придет.

– О роли Сирано уже было сказано немало. Но лично для вас, актера Валерия Кириллова, который выйдет на сцену в роли Сирано, какая ипостась великого героя ближе? Поэта, борца, влюбленного романтика, свободолюбивого человека?

– Можно, я не буду отвечать на этот вопрос? Я вас умоляю! Давайте просто дождемся премьеры... Ни одну из перечисленных нами граней не хотелось бы отодвигать на задний план. Это должен быть живой, нормальный, яркий человек. Странный – да, противоречивый – без сомнений, но с ним ни в одной ситуации не должно быть скучно. Наверное, это главное.

– У вас вот-вот должно сбыться одно из самых заветных желаний...

– Я ждал этого вопроса. Отвечаю: я невероятно боюсь. Знаю, что все артисты, кокетничая, говорят: не волнуетесь только полная бездарь, а я волнуюсь. Так вот я в данном случае не волнуюсь. Я отчаянно, страшно боюсь. Честно. Не до паники, но что-то около того. Но при всем при том ощущение странное. Как будто кто-то стоит рядом и, усмехаясь, говорит: ты хотел, ты мечтал, ты вожделел... Так на, бери, возьми эту роль и сыграй ТАК... А мы посмотрим. Вот этих самых «смотрины» я и боюсь.

Лариса ДРАЧ.

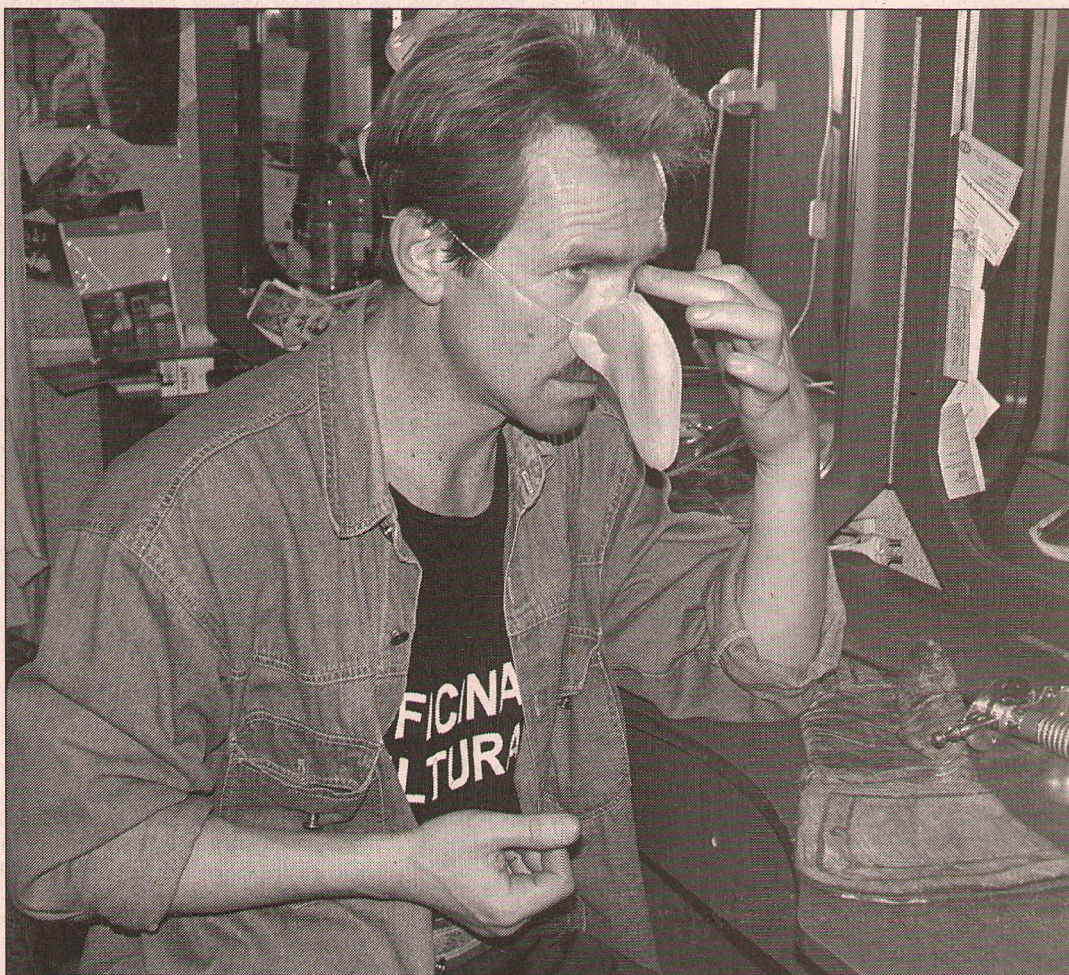

фото Вячеслава ЮРКСОВА

торыми он мучается. Дело в жуткой концентрации мрака в самом процессе мышления. В пьесе огромное количество убийств, крови, мести, и вот Гамлет, тонкая, ранимая душа, пройдя через горнило этих кровавых испытаний, становится мстителем. Он вынужден стать тем самым Судией... Масштаб роли вселенский, я понимаю, но у меня никогда не лежала в ней душа. Честно.

– А вы не допускаете, что ваше неприятие этой роли лежит в плоскости энергетической чуждости?

– Может быть, я не задумывался об этом. Совсем другое – роль Сирано. Ключ к пониманию величия этой личности в том, что главное противоречие заключено внутри самого человека. В данном случае это неразделенная любовь к кузине Роксане, отношение Сирано к собственной любви: «Я не имею права с таким лицом любить». А между тем любит он невероятно красиво. Но сам себе запрещает это делать, потому что считает себя недостойным. Поэтому Сирано очень близок каждому человеку. Ведь именно

сы Ростана вы наблюдаете столь же пристально?

– Очень давно я видел в роли Сирано Сергея Шакурова. Его Сирано был фантастически силен – и внутренне, и физически. Это был Сирано-боец, протестующий, рвущий все преграды. Мне понравилось... Видел, как решил этот образ Константин Райкин в «Сатириконе». Это было совсем иное решение – такое театральное... Пожалуй что и все. Ах нет, конечно же, еще есть Сирано в исполнении Максима Суханова в постановке Владимира Мирзоева.

– Вот-вот, с этого места, пожалуйста, подробнее... У тех росластцев, которым довелось посмотреть эту постановку в ходе недавнего фестиваля «Золотая маска», мнение было неоднозначное.

– Макс Суханов как артист лично мне нравится. Он невероятно интересный и талантливый человек. Но вместе с режиссером спектакля они забыли об одной простой вещи: патология не может быть предметом для исследования. А в трактовке Мирзоева получился более чем патологичный Сира-

зрители, я думаю, сидели и прикалывались: а как он, интересно, отыграет сцену под балконом? И вот выходит патологичный Макс – Сирано и начинает, придуриваясь, гундосить... Я не говорю о том, что надо сыграть роль Сирано – и умереть. Нет, нужно жить дальше. Но когда артист грубо подминает роль под свою органику, когда великая поэзия превращается в рулон туалетной бумаги, мне просто непонятно: зачем, ради чего? Можно для подобных экспериментов взять материал попроще. Так что мое отношение к подобной трактовке пьесы – категорическое отрицание.

– А версия, которая готовится в настоящий момент на сцене Волковского театра...

– Я понимаю, о чем вы хотите спросить.

– А я пойму, если вы не ответите на этот вопрос.

– Почему? Отвечу. Есть много вещей, с которыми я абсолютно не согласен. Категорически! Но меня так учили, и я сам так учу своих студентов, что мы – артисты, и делать то, что велит режиссер, – это наша работа. Мало ли у кого какие